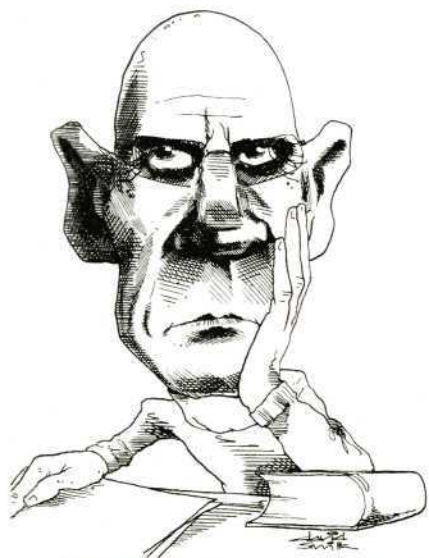

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

ФУКО

ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

УДК 1(091) (44)
ББК 87.3 (4 Фра)
С84

Оформление
Дизайн-студия «Дикобраз»

Перевод с английского
Н. В. Павловой

Все права защищены
Авторизованный перевод с издания
Fousault in 90 minutes
Paul Strathern

Опубликовано с разрешения издательства
IVAN R. DEE

Подписано в печать 2.02.2005. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «Ньютон». Бумага газетная. Усл. печ. л. 4,2;
Тираж 5000 экз. Заказ № 1139.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

Стретерн, П.

С84 Фуко за 90 минут /Пол Стретерн; пер. с англ.
Н. В. Павловой. - М: АСТ: Астрель, 2005.-90, [6] с. —
(Философы за 90 минут).

ISBN 5-17-029227-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-11600-X(ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 1-56663-293-5 (англ.)

В книге «Фуко за 90 минут» Пол Стретерн предлагает читателю краткую, прекрасно изложенную историю жизни и творчества Фуко, подчеркивая значимость идей философа как попытки человека осознать свое место в мире.

УДК 1(091) (44)
ББК87.3(4Фра)

ISBN 5-17-029227-9
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-11600-X
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 1-56663-293-5 (англ.)

Copyright © 2000 by Paul Strathern
© ООО «Издательство Астрель», 2005

Содержание

Введение	5
Жизнь и труды Фуко	8
Основные идеи Фуко и отзывы о нем	78
Важные даты в философии	83
Хронология жизни Фуко	87
Именной указатель	89

Введение

Фуко не принадлежал к числу философов классической традиции. Несмотря на это, в какой-то период жизни он считался кем-то вроде нового Канта, что, конечно, сильно преувеличено. Но едва ли это вина самого Фуко (хотя он и не особенно старался опровергать подобные оценки). Нельзя обвинять Фуко и в том, что превращение в философа-классика было для него абсолютно невозможным. Это не просто вопрос интеллекта. Дело в том, что Витгенштейн уже, в сущности, покончил с классической философией. Витгенштейн утверждал, что такой вещи, как философия, больше не существует, есть только философствование. Большинство основных фи-

лософских вопросов были результатом лингвистических ошибок. Достаточно понять ошибку — и вопрос просто исчезает. А все оставшиеся вопросы просто не имеют ответа (или, что более правильно, не могут быть даже заданы).

Но классическая философская традиция в одном из своих вариантов все же продолжала существовать в континентальной Европе в работах Хайдеггера. Он претендовал на то, чтобы действовать вне философии Витгенштейна, за областью логики, анализируя самые основы человеческой мысли и восприятия. На Фуко сильно повлияла эта концепция. Она открыла ему новую философию, и оказалось, что на самом деле у каждого «знания» есть своя версия истины. Он доказал, что эти «истины» во многом зависят от предпосылок, т.е. от мировоззрения, которое господствовало в то время, когда они были провозглашены.

Фуко приступил к решению своей задачи скорее как историк, а не как философ, старательно изучая подлинные документы того периода, которым он занимался. Таким образом «из первых рук» получая сведения об обществе, системе знаний и структуре власти интересующей его эпохи, Фуко

пришел к заключению, что знание и власть были так тесно связаны, что их можно соединить в одном термине «сила/знание». Это было центральным звеном его философии. Но будучи на пути к этому открытию и изучая его следствия, мыслитель рассмотрел огромное количество отдельных фактов. Сумасшествие, сексуальность, дисциплина и наказание — историю этих вопросов он считал неотъемлемой от основной идеи своей философии. Добавьте к этому связь этих проблем с его собственной жизнью, и вы получите самого sensationного философа современной эпохи.

Но какова настоящая философская ценность этой сенсации? После смерти Фуко прошло уже двадцать лет, но до сих пор не существует единого мнения по этому поводу. Философское забвение легко достижимо, и тот факт, что идеи Фуко все еще обсуждаются, является своего рода признанием. Как долго это будет продолжаться, решать не нам.

Жизнь и труды Фуко

Поль-Мишель Фуко родился 15 октября 1926 года в городе Пуатье, который находится в 250 километрах к югу от Парижа. Его родители были зажиточными буржуа в городе, который являлся олицетворением французского провинциализма. Отец, успешный хирург, преподавал в местном медицинском колледже. Мать — энергичная женщина, которая занималась деньгами мужа, помогала управлять практикой и отважно водила автомобиль.

Кроме городского дома в Пуатье, у семьи был небольшой домик за городом. Когда Поль-Мишель был еще ребенком, они построили виллу на Атлантическом побережье в Ла Боль. Она была

достаточно большой для семьи из пяти человек и прислуги. Здесь семья Фуко проводила летние дни среди сосен, возвышающихся над длинной дугой песчаного пляжа. Отец был добрым, но строгим, мать — деятельной, но заботливой. Поль-Мишелю жизнь дома со старшей сестрой и младшим братом казалась образцовой. Подобное происхождение типично для многих неприимых французских философов, которые бросили вызов всем формам власти и буржуазному поведению: (И хотя Фуко попытается восстать против многого другого, он не сможет избежать этого стереотипа, который властвовал над французскими философами от Вольтера до Сартра.)

В школе маленький Поль-Мишель был слабым и близоруким. В результате его одноклассники вскоре стали называть его Полишинелем (французский эквивалент горбатого шута, известного нам как Петрушка). Последователям Фрейда будет любопытно узнать, что он мечтал стать золотой рыбкой. Эти сомнительные мечты отразились на его учебе. Несмотря на явные способности, он никогда не выделялся. Даже по истории, любимому предмету, он был лишь вторым.

События, происходившие в мире, мало затрагивали тихий Пуатье и семейную жизнь Фуко. Вилла на побережье была построена в первые годы Великой депрессии; резкие заявления Гитлера подвергались в прессе изощренным насмешкам, а бархатно-нежные записи Мориса Шевалье крутились на фонографе.

Когда Полю-Мишелю было десять лет, он видел, как первые беженцы — жертвы гражданской войны в Испании — бродили по улицам Пуатье. Три года спустя Германия напала на Польшу, начав Вторую мировую войну, и семья в последний раз вернулась после летних каникул из Ла Боль. К тому времени, когда Фуко исполнилось четырнадцать, нацисты вторглись во Францию, и французская армия беспорядочно отступала. Смятение охватило даже Пуатье. С непреклонным безрассудством главного хирурга в операционной, доктор Фуко руководил созданием отрядов скорой помощи в городе. Его жена старательно приглаживала растрепанные перышки и убедительно доказывала, что все идет как надо. Маленького Поля-Мишеля, который все еще носил школьную форму, все эти события приводи-

ли в замешательство. Тем летом результаты его экзаменов оказались из рук вон плохими.

Стараниями матери его перевели в другую школу, после чего гадкий утенок превратился в лебедя. Этому примеру суждено было повторяться в его жизни. Фуко провалился на важных экзаменах, но когда он сдавал их во второй раз, то справился блестяще. В двадцать лет, со второй попытки, Фуко поступил в Высшую нормальную школу в Париже. Это была интеллектуальная оранжерея, где вращались все сливки французского студенчества. Быть ее «студентом» означало пожизненно принадлежать к высшей касте. Соответствие стандарту всегда было нетипичным для Франции, и суперинтеллектуальные «студенты» часто были довольно странными. Но даже здесь Фуко вскоре стал резко отличаться от других.

К этому времени школьник-Петрушка стал исключительно вспыльчивым человеком. Год назад или немного раньше он постепенно осознал свою гомосексуальность. В то время это было противозаконно, а в Пуатье — просто невысказано. Поль-Мишель даже не мог обратиться к своей любимой матери за советом и утешением. К тому

же он серьезно поссорился с отцом. Юный Поль-Мишель *отказался* следовать семейной традиции и не захотел становиться врачом. Медицина просто его не интересовала. Он убегал наверх, в свою комнату, хлопал дверью и с головой уходил в очередную книгу по истории. К тому времени, когда он во второй раз сдал экзамен в университет, можно было не сомневаться в его гениальности. (Его результаты были четвертыми во всей Франции.) Но нельзя было сомневаться и в том, что он обладал типичным для гения непредсказуемым характером.

В Париже он стал называть себя просто Мишель (опуская Поль, имя отца). Первые годы Мишеля Фуко в университете были чередой неприятностей. Однажды он исполосовал грудь бритвой, в другой раз его задержали, когда он с кинжалом гнался за студентом, затем совершил неудачную попытку самоубийства, приняв большую дозу таблеток. Он сильно пил и время от времени баловался наркотиками (редкость для тех далеких дней). Иногда он пропадал ночами подряд, ковыляя затем в общежитие, осунувшийся, с запавшими глазами и в расстроенных чувствах.

Немногие догадывались о том, что случилось с ним на самом деле. Его мучило чувство вины за происшедшее с ним во время его одиноких вылазок.

Фуко не мог жить один, а никто из студентов из общежития не хотел делить с ним комнату. Они смотрели на него как на опасного сумасшедшего, и блестящий ум только подчеркивал эти качества. Неистовый и напористый в научных спорах, он не гнушался прибегать к грубой силе. Его соратники сторонились его, и у него начало развиваться психосоматическое расстройство. Долгие приступы и время, проведенное в одинокой кровати в изоляторе, избавляли его от необходимости сосуществования с теми, кто жил в общежитии. Здесь он очень много читал, много даже по университетским стандартам.

В какой-то степени случайное увлечение Фуко историей теперь стало логичным. Он начал читать труды немецкого философа XIX века Гегеля, чья философия утверждала логическую связь и значение истории. Целью истории было ее долгое развитие до истинности разумного. Согласно Гегелю, «Все истинное — разумно, все разум-

ное — истинно». Залегающими на поверхности событиями спрятана структура истории. «История задаётся вопросом: что было и что есть? Философию интересует не то, что было, или то, что будет, а то, что существует сейчас и будет существовать всегда; ее интересует человеческий разум». История и философия слились воедино, стали одним целым, имеющим непосредственное отношение к настоящему.

От Гегеля Фуко перешел немецкому философу XX века Хайдеггеру. Хайдеггер считал, что категория человека определяется более глубокими элементами, нежели разум. «Все мое развитие как философа было определено моим увлечением работами Хайдеггера», — напишет Фуко позднее. Восхищение от первого знакомства с трудами Хайдеггера лучше всего передано его ученицей Ханной Арендт: «Мысль вновь возродилась; культурные сокровища прошлого, считавшиеся мертвыми, снова напомнили о себе, и оказывается, что они предлагают нечто совсем иное, непохожее на банальные истины, которые им приписывали». Прошлое жило в настоящем, и то, как мы понимали прошлое, показывало, как мы должны

относиться к настоящему. История не увековечивала истины прошлого, но открывала истины настоящего. Так размышлял Фуко.

В то время философия Хайдеггера была предметом горячих споров, которые велись в кафе на набережных Парижа. Послевоенное разочарование в традиционных ценностях привело к распространённому увлечению экзистенциализмом Жана-Поля Сартра, который и сам был сильно подвержен влиянию Хайдеггера. Экзистенциализм Сартра был глубоко субъективным, он утверждал, что «существование первично по отношению к сущности». Человеческая сущность и субъективность не имели значения. Эту сущность мы сами создаем в зависимости от того, как мы существуем, какой делаем выбор и как действуем в окружающем мире. Подобным же образом наша субъективность не была чем-то постоянным, ей нельзя было дать точное и окончательное определение. Она непрерывно создавалась, постоянно развиваясь как результат нашего образа жизни.

Фуко принял многие идеи Гегеля, Хайдеггера и Сартра. Но не меньшее значение имели и те идеи, которые он отверг. Его философская пози-

ция формировалась через сложное восприятие идей этих философов, особенно Сартра. Как личности и как мыслителю, Сартру не было равных на интеллектуальных подмостках Парижа. Так продолжалось практически в течение всей жизни Фуко, и Сартр был для него примером и стимулом к развитию. Идеи Сартра сыграли для Фуко примерно такую же роль. Фуко был абсолютно не расположен долго оставаться в чьей-то тени. У него было не только честолюбие, но и достаточно упрямства, чтобы бросить вызов в одиночку, даже несмотря на то, что порывы часто опережали идеи. Для Фуко никто не станет вторым отцом: одного было вполне достаточно.

Молодой человек исключительно быстро вырослел, как личность и как философ. Его уверенность в своих интеллектуальных силах сочеталась с эмоциональным самопознанием. Он научился принимать свою гомосексуальность, а жестокость его характера находила выход в происходивших время от времени садомазохистских развлечениях.

К этому времени интеллектуальные способности Фуко начали привлекать внимание выда-

ющихся профессоров университета, которые стали обсуждать с ним свои идеи. Профессор Джордж Кангилхем занимался созданием абсолютно новой, структурной истории науки. Он считал, что наука не развивается постепенно и необратимо. История науки знает ряд различных случаев, когда знание вдруг совершало гигантский скачок в какую-то новую область. (Теория относительности Эйнштейна, пожалуй, самый известный пример такого скачка в XX веке.) Кангилхем имел ученую степень по философии и медицине, что было необычно. Это позволяло задаваться вопросом: «Что есть психология?» По иронии судьбы он критиковал психологию как раз за то, в чем видел ее предназначение и силу: за стремление к самопознанию. Что является базисом психологического знания? Что именно оно делает или пытается сделать? Такие вопросы представляли особый интерес для Фуко, чье сумасбродное поведение в более раннем возрасте заставило его не понаслышке познакомиться с традиционной психологией. Он питал отвращение к своей роли пациента и разочаровался в лечении, основанном на психологии. Это заставило его «за-

быть все это, как только психиатр уехал в отпуск». А теперь Кангилхем озвучил то, что он инстинктивно чувствовал: психологии недоставало знания о том, чем она является и чем занимается.

Фуко также привлек внимание Луи Альтюссера, который был тогда молодым преподавателем в университете. Во время войны Альтюссер провел пять лет в концентрационных лагерях, в результате чего он стал убежденным марксистом. Теперь он развивал теорию марксизма в том направлении, которое позднее получит название структурализма. Он доказывал, что, читая Маркса, нужно выходить за рамки написанного текста. Нужно принимать во внимание «диапазон знаний», который ограничивал язык изложения и концепции Маркса отдельным историческим периодом. Нужно попытаться понять фундаментальные проблемы, поднятые Марксом (даже если сам Маркс об этом и не подозревал). Альтюссер убедил Фуко стать членом Французской коммунистической партии (ФКП). Несмотря на склонность к сталинизму, ФКП оставалась одной из важнейших политических сил Франции, главным образом благодаря ее героическому участию

в движении Сопротивления во время нацистской оккупации. Но Фуко было не по себе в партии, и он практически не посещал ее собрания. Примирившись со своей ориентацией и приняв ее как главную часть своей жизни, он не мог слышать, как партия характеризует гомосексуальность как проявление «буржуазного упадка». (Альтюссер оставался главным источником марксистского влияния на студентов в университете больше тридцати лет, пока не задушил свою жену в 1981 году. Оставшиеся десять лет жизни он провел в сумасшедшем доме, где он написал блестящую автобиографию, в которой признавался, как мало работ Маркса он на самом деле читал.)

В 1951 году Фуко сдал выпускные экзамены, показав блестящие результаты — как обычно, со второй попытки. Теперь ему предстояла перспектива военной службы. Но справка о «депрессии» и, вероятно, некоторые усилия со стороны семьи избавили его от необходимости тратить на это два года. Он стал преподавателем в Высшей нормальной школе, специализируясь на философии и психологии. Его интерес к последней сделал его частым посетителем психиатрического отделения

госпиталя Святой Анны. Здесь к нему скоро начали относиться фактически как к члену персонала с тем единственным отличием, что он не получал заработную плату, и ему даже было разрешено работать с пациентами в качестве врача. В университете Фуко стал известен тем, что давал студентам ассоциативные тесты Роршаха, «чтобы узнать, что у них на уме».

Но все это было чем-то большим, чем просто тестирование студентов или возвращение бывшего пациента в сумасшедший дом в качестве врача. Фуко начал задавать себе серьезные вопросы относительно психологии, вопросы, которые выходили за рамки предположений Альтюссера. Как можно изучать, «опыт» научным путем? Человеческое существование не подлежит объективному изучению: к нему нужно подходить с точки зрения его человеческой природы. Этого можно достичь, изучая само понятие человеческой природы и то, как она развивалась.

Фуко открыл для себя труды философа, который перевернул все его представления. Хронологически Ницше жил раньше Хайдеггера и оказал сильное влияние на его философию. Фуко как

будто обнаружил источник своей собственной мысли. Весь долгий жаркий август 1953 года он провел на пляже в Сивитавечиа (древнем порту Рима), жадно внимая идеям «философа силы». Ницше приводил пример Древней Греции, где разрушительные силы безумства Дионисия приобрели одновременно красоту и величие, заключенные в стройной фигуре Аполлона. Оба равным образом необходимы, и это относится и к человеку, и к произведению искусства. Истина для каждого — это не «нечто данное, что-то, что мы должны открыть в себе — это то, что мы должны создать сами». Даже само человечество было просто социальной структурой, созданной изменяющимися и зависящими от обстоятельств культурными силами. Это было то самое послание, которое Фуко так давно ждал. До того, как Фуко увлекся философией Ницше, он говорил, что чувствует себя «как будто в ловушке». Теперь он понял, что может сам создавать себя так, как считал нужным.

Но это был далеко не единственный урок. Как и полагал Фуко, человечество можно изучать, только изучая историю его развития. Как будто

его субъективное существование и его понимание человечества внезапно слились воедино. Он считал: «Человеку нужно найти худшее в себе, чтобы раскрыть лучшее. Величайшее наслаждение от существования — *жить опасно*». На самом деле приблизить человека к границе его возможностей могло эротическое возбуждение. Несмотря на такую бравату, Ницше практически полностью подавил свою собственную сексуальность. Но слова Ницше были музыкой для слуха садомазохиста. Отсюда — один шаг до более значительного открытия: Ницше подчеркивал центральную роль силы в любой человеческой деятельности, и это было для Фуко громом среди ясного неба. Вот как устроен мир!

Но, конечно, жизнь не ограничивалась философией. В конце концов, Фуко жил в Париже. Молодой, подающий надежды психолог-философ стал чаще появляться в интеллектуальных кафе на левом берегу Сены. Однажды вечером он познакомился с молодым композитором по имени Жан Баррак. Фуко любил современную классическую музыку, но едва ли полностью понимал ее техническую сложность. Так что он вскоре зак-

лючил, что Баррак был «одним из ярчайших, но не оцененных по достоинству музыкантов современного поколения». (Классический пример психологического самозамещения, это суждение оказалось также уникальным предвидением, которое получило подтверждение только после смерти обоих.)

Баррак был на два года моложе Фуко. Это был впечатлительный, нервный музыкант, он был близорук и носил очки, чтобы постоянно не щуриться. Он много пил, но его яркая модернистская музыка была исполнена чистоты и внешней четкости. Он тоже был ярим поклонником Ницше. Фуко и Баррак сразу потянулись друг к другу, и вскоре они уже были страстно влюблены друг в друга. Напряженные философские дискуссии, алкоголь, садомазохистский секс — такими были пьянящие ингредиенты их безумной любви. Фуко был полностью увлечен; Баррак отдавал и в то же время собственнически требовал все. Жизнь и мысль Фуко сплелись воедино. Для них обоих философия и музыка стали одним целым. Секвенция Баррак, в которую по предложению Фуко он включил строки Ницше «Не должны ли мы ненавидеть

друг друга, если нам суждено любить друг друга... *Я твой лабиринт*». Сексуальность, подавленная в Ницше, жила в Фуко и Баррак. В то же время эта музыка была невероятным предсказанием исторической и философской судьбы Фуко. Другой отрывок из произведения Баррак того периода описывали так: «Это предел агонизирующего величия; безжалостное развитие приходит к концу, и Музыка не выдерживает нечеловеческого напряжения, разрушается и растворяется в пустоте. Целые куски звука рассыпаются и исчезают во всепоглощающем океане тишины». Фуко начал понимать, что это верно не только для музыки, но и для истории, и для истины. И для любви.

Никакие отношения не могут выдержать такого сумасшедшего напряжения. Чувство собственника в Баррак переросло в параноидную ревность; своенравная независимость Фуко начала задыхаться. И оба осознавали, что их пристрастие к алкоголю уже не поддавалось контролю. После одной особенно бурной ссоры, они решили, что им нужно на некоторое время расстаться. В августе 1955 года Фуко получил должность младшего преподавателя в университете города

Упсала в южной Швеции. Хотя оба молодых человека обещали не забывать друг друга, их отношения не выдержали долгой разлуки. (Баррак продолжал писать музыку, но ему не суждено было больше подняться на прошлую высоту. Его поведение становилось все более эксцентричным, и в 1973 году он умер от алкоголизма.)

В Швеции Фуко нашел определенный покой. Он чувствовал себя так, как будто пережил бурю. Пожалуй, теперь он стал более зрелым, научился лучше понимать себя, хотя этот более спокойный тридцатилетний человек был все еще движим сильными амбициями. Он купил себе ослепительный «Ягуар» (предположительно, для тысячемильных поездок в Париж в свободное время). Он стал лысеть и носить броские клетчатые костюмы. Долгими зимними месяцами он давал званые обеды, чем заслужил достаточную популярность. Отличная французская кухня стала открытием для его гостей, и обилие вина произвело такой же эффект. Когда он чувствовал себя одиноким, он садился в свой «Ягуар» и отправлялся на поиски мужчин. В Швеции все было дозволено, но в конце концов это начало ему надоедать. Как он по-

зднее замечал, свобода иногда может стать такой же подавляющей, как и прямой запрет.

Фуко читал лекции по французской литературе, и его слушателями были в основном девушки-студентки. Как обычно, он выбрал довольно ограниченный аспект этого предмета, назвав свой курс «Концепция любви во французской литературе от Маркиза де Сада до Жана Жене». Трудно себе представить, что поняли здоровые восемнадцатилетние шведские девушки из этого курса по истории садизма, извращений и распущенности. В то же время Фуко продолжал упорно работать, исследуя психологические и медицинские отклонения для своей докторской диссертации. Увы, это оказалось чересчур даже для толерантных шведских профессоров, которые отвергли ее под тем предлогом, что она «слишком литературна».

Но Фуко продолжал следовать своей интуиции. Сильнодействующая смесь ницшеанской философии, психологии, истории и клинической практики привела его к новой области, выходящей за привычные академические рамки. К тому времени, как Фуко в возрасте тридцати трех лет вернулся в Париж, он сконцентрировал все уси-

лия на одном всеобъемлющем предмете. Он начал писать свою «Историю безумия» (позднее она была опубликована как «Безумие и общество»). Это был честолюбивый замысел. Представить точную картину того, что происходило в прошлом, не было его задачей. Совсем напротив, он хотел дать точную картину настоящего. (А историю он опишет как «обратную память».) Он пытался показать, как само понятие безумия менялось на протяжении веков, и что это означало. Отношение к сумасшествию — это вопрос социального восприятия и обычая. Фуко хотел найти «нулевую точку», в которой безумие было отделено от здравомыслия. В какой момент сумасшествие впервые было определено и, таким образом, отсечено от разума, став «ума-лишением»?

В Средние века безумцам позволялось существовать в лоне общества. Их считали святыми. Согласно анализу Фуко, гуманизм и знания эпохи Возрождения принесли с собой некоторые изменения в этом отношении. Священность сумасшедших сменилась гуманистической категорией «мудрости». Мудрый дурак был ироническим отражением причуд общества. В речах Шекспиров-

ских шутов скрывалась правда. Безумие Дон Кихота отражало ограниченность человечества.

За Возрождением последовала эпоха классицизма (более известная в англоязычных странах как Эра Разума). Можно сказать, что эта эпоха началась с Декарта, который основал современную философию. Как известно, Декарт считал, что разум должен все подвергать сомнению, чтобы найти основы истины. Как можно что-либо знать наверняка? Что, если мои чувства обманывают меня? Что, если мир — это не более чем сон или галлюцинация? Какой-то «злой гений» может даже вводить меня в заблуждение относительно математических истин. Нет, точно я знаю лишь то, что я мыслю. *Cogito ergo sum*. («Я мыслю, следовательно, я существую».) Примечательно, как заметил Фуко, что радикальное сомнение Декарта не дошло до того, чтобы поставить под вопрос его собственное здравомыслие. Разум теперь был верховным правителем — и это не подвергалось сомнению. (Интересно, что не было *разумной причины* считать верховенство разума возможным, не говоря уже о его необходимости, логичности и неизбежности.) Разум стал руководящим прин-

ципом умственной деятельности, и таким образом оказался отделен от неразумности. Эти идеи скоро воплотились на практике. Через шесть лет после смерти Декарта в Париже был основан Общественный госпиталь для содержания безумных, а также нищих, попрошаек и преступников. Говорили, что каждый сотый парижанин теперь сидит в сумасшедшем доме.

Безумие стало рассматриваться как противоположность разума и было физически отделено от области разумного. И вместе с безумием другие проявления «неразумного» поведения были тоже исключены из «разумного» общества. Вскоре к попрошайкам и безработным присоединились гомосексуалисты, бродяги и пьяницы. Дурраку уже не было позволено изрекать истины — его заставили замолчать и изгнали из общества. Что еще хуже, он вскоре сделался объектом насмешек и назидательным предостережением для других. Посещение сумасшедших домов для того, чтобы посмотреть на их обитателей в бреду или оцепенении, стало популярным развлечением. Не менее 96 000 человек в год посещали Бетелемскую больницу для умалишенных в Лондоне. (Ис-

кажение этого названия дало нам слово *бедлам*. Кстати, здание, где она изначально находилась, теперь принадлежит Имперскому военному музею.) Этот разрыв между Возрождением и Просвещением сделал сумасшествие грехом, преступлением. Но когда безумие получило определение (и было взято под стражу), было определено и разумное поведение. Рациональная теория общества сблизилась с понятиями трудовой этики и моральных обязательств и стала частью гражданского права. Любая аномальность отныне считалась безумием. Таким образом, новое знание превратилось в новую силу, и эти два понятия были неразрывно связаны друг с другом.

Согласно теории Фуко, дальше произошел еще один разрыв. К концу эпохи Просвещения реформаторы пришли к заключению, что держать умалишенных в заключении жестоко. Сумасшествие не преступление, это заболевание, и его нужно лечить. Теперь безумных не держали под арестом, а передали на попечение медицине. Но если тело было свободно, ум попал в плен. Место цепей заняли лекарства. К концу XIX века Фрейд продвинулся на одну ступень дальше. Безумного

больше не заставляли молчать, ему было позволено говорить в кабинете психиатра. Но эта свобода также содержала в себе дальнейшее ограничение. Была создана теория психиатрии, и эта новая структура полностью подчиняла пациента всемогущему, всезнающему психиатру. В этих процессах Фуко видел отражение авторитарного буржуазного общества.

Итак, безумие было определено (и ограничено) психиатрией. Разум оказался приравнен к психологическому здоровью. Как можно видеть, с этого момента само слово *разум* начинает менять свое значение, чтобы подстроиться под новое определение сумасшествия. Показывая, как понятие безумства изменялось с течением времени, Фуко пытался освободить настоящее от его ограниченности. Единственный путь для безумия избежать всемогущей власти разума — жить в себе. Но как? Это могли сделать лишь некоторые философы и художники, чья эксцентричность выходила за границы разума. Как пример Фуко приводит Ван Гога, де Сада и Арто. С меньшим основанием он также упоминает Ницше, которого на самом деле безумство обрекло на молчание. Тем

не менее Фуко прав относительно Ницше: «Нужно носить в себе хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду». Эти художники и философы выражают безумие «в себе», ставя все с ног на голову. Столкнувшись с их работами, мир разума вынужден защищать себя! Так искусство и воображение изменяют и расширяют общепринятые представления о разуме. («Звездная ночь» Ван Гога говорит здесь сама за себя.)

Не случайно, что именно в это время шотландский психиатр Р.Д. Лэйнг сделал важнейшие практические открытия относительно природы сумасшествия. Согласно его теории, на первый взгляд непонятная и противоречивая речь шизофреника — это зачастую гномическое выражение сложной истины, которую пациент не может выразить по-другому. Шизофрения часто бывает вызвана сложной, противоречивой ситуацией, в которой оказывается пациент. (Так, например, в случае, когда родители ссорятся, они создают для своего сбитого с толку ребенка разделенную — т.е. шизоидную — реальность.)

В своей книге «Безумие и общество» Фуко показывает, как наше представление о сумасше-

ствии претерпевало резкие, но в то же время абсолютно случайные изменения. Они не были вызваны логикой развития или необходимостью. Они сами были необоснованны! Эти изменения в структуре знания также сопровождались значительными изменениями в структуре силы (свобода, заключение, лечение). Это не единичный случай, считает Фуко. Появление любой новой системы знания всегда связано с изменением силы. Психология и роль пациента — это лишь один пример. Экономика, социология, даже естественные науки подчинены тому же принципу: появление и развитие этих систем знания всегда сопровождается значительными сдвигами в структуре силы.

Когда работа Фуко «Безумие и общество» была опубликована в 1960 году, она сделала его главной интеллектуальной фигурой Парижа. Французская интеллектуальная мода — рынок, на котором царила жестокая конкуренция — резко менялась. Старая гвардия оказалась не у дел. Сартр и экзистенциализм, структурализм и бесконечные вариации на тему позднего марксизма оказались забыты. В моду входили Деррида и деконструкционизм, Барт и семиотика, а теперь и

Фуко. Фуко прекрасно знал и Дерриду и Барта: левый берег Сены — небольшой район, и все кафе — места для интеллектуальных бесед — там хорошо известны. Но отношения Фуко с его новыми знакомыми всегда будут оставаться сложными. Хотя философия Фуко в некоторой степени походила на теории Дерриды и Барта, различия между ними вскоре стали очевидны.

К тому времени умер отец Фуко. На унаследованные деньги подающий надежды тридцатичетырехлетний философ купил квартиру с классическим видом на набережную Сены на улице Финли (эта улица была названа в честь кубинского врача франко-шотландского происхождения, который в XIX веке открыл, что переносчиком малярии является комар).

Тогда Фуко встретился со студентом факультета философии Даниелем Дефером, который был на десять лет моложе его и активно поддерживал левые политические движения. И Фуко, и Дефер резко отрицательно восприняли вступление Франции в жестокую колониальную войну в Алжире. Но их взгляды на теорию политики различались. Фуко не мог согласиться с юношеским

экстремизмом Дефера; последний утверждал, что правительство де Голля создает фашистское государство. Дефер был гомосексуалистом, обладал скрытой притягательностью и был на десять лет моложе Фуко. Но больше всего Фуко привлекала его страстная политическая активность. Они вскоре стали любовниками, но для каждого из них это было чем-то большим, чем очередное увлечение. В конце концов Дефер переехал к Фуко. Их связывало глубокое чувство, и они провели вместе почти двадцать пять лет. Их любовь была достаточно сильна, чтобы перенести периодические вспышки гнева и ссоры, вызванные тем, что они оба настаивали на открытости их отношений и время от времени встречались с другими партнерами. Дефер говорил, что Фуко был просто создан для нормальной семейной жизни, и они всегда поддерживали друг друга перед лицом предассудков. Несмотря на то что Франция создала себе репутацию страны любви, она оставалась всего лишь католической страной, где царил гомофобия, особенно в академических кругах.

В 1963 году Фуко опубликовал «Рождение клиники: Археология медицины». Эта работа —

пример невероятного научного усердия Фуко: долгими часами, день за днем он занимался своей «Археологией», изучая подлинные документы в Национальной библиотеке. (Фуко заявлял, едва ли сильно преувеличивая, что он прочитал все книги по клинической медицине, написанные с 1820 по 1970 год.) В этой работе он показывает, как в начале XIX века произошел очередной разрыв в научном знании. Классическая медицина сменилась клинической. Раньше целью было избавиться от болезни и вернуть здоровье. Теперь объектом медицинского лечения стало само больное тело, и цель медицины значительно изменилась. Расплывчатое, самоочевидное понятие «здоровья» сменилось целью вернуть пациента «назад, к нормальному состоянию». (Эта теория использует такие термины, как «нормальная температура», «нормальный пульс» и так далее.) С рождением клиники медицина стала наукой, примкнув, таким образом, к другим развивающимся наукам — анатомии, психологии, химии и биологии. Заняв свое место среди институтов общества, медицина оказалась связанной с политическими и социальными структурами. Понятие

«нормальности» (в противоположность здоровью) постепенно, но неизбежно приобрело политическую и социальную окраску. Здесь Фуко проводит параллели с «Безумием и обществом», где он показывал, как безумие (еще одна противоположность научно определенной и социально приемлемой «нормальности») было изолировано в сумасшедшем доме. Подобным же образом в медицине появляется клиника. Здесь Фуко опять обращает внимание на изменения в структуре власти, произошедшие одновременно со скачком в развитии знания.

Фуко не только заполнил очередной пробел в нашем социальном самопознании, но и связал его историю с динамическим развитием самого общества. Он проницательно заметил, что история полна дыр, как сыр гриер. Действительно, казалось, что история всего, что принесло жизнь и свет человеческому существованию, оставалась неисследованной. История любви, жадности, жестокости, наказания и тому подобных понятий полностью отсутствовала. Как можно надеяться постичь изменения в структуре власти и общества, не изучив важнейшие аспекты?

В 1964—1965 году Фуко завершил свою самую главную работу, которая принесла его идеям известность во всем западном мире. Книга «Порядок вещей: Археология человеческого знания» должна была показать, как само понятие человечества развивалось и стало объектом нашего познания.

Сначала необходимо определить центральные термины, которыми пользуется Фуко в своем исследовании. Когда он говорит об «археологии», он подразумевает раскрытие тайной структуры знания, принадлежащей определенному историческому периоду. Она состоит из зачастую бессознательных предположений и предубеждений (буквально, предвзятых суждений), которые объективно систематизируют и ограничивают мысль любой эпохи. Они существенно отличаются от субъективной предвзятости или даже коллективного заблуждения: они представляют собой некую модель мышления, которая затрагивает по отдельности всех мыслителей данного времени. Например, пока считалось, что Земля является центром Вселенной, было невозможным даже предположить существование эллиптических ор-

бит планет. Подобным же образом, как доказал Фуко, без понятия «разум» не могло существовать понятия «безумие».

Совокупность предположений, предубеждений и типов мышления, создающую и ограничивающую мысль любой конкретной эпохи, Фуко назвал *эпистемой*. Это слово происходит от того же греческого корня, что и эпистемология — область философии, изучающая основания нашего знания. (Рассмотрим, к примеру, причинно-следственную связь. Мы основываем наше знание на той предпосылке, что физический мир подчиняется этому закону. Определенная причина всегда приводит к определенному следствию. Если этого не происходит, мы автоматически предполагаем, что изначальная причина подверглась каким-то изменениям. Таким образом, причинно-следственная связь не является сама по себе знанием, а представляет собой предпосылку, на которой основывается знание.) Эпистема Фуко представляет собой целую структуру подобных предпосылок: особый тип мышления, характерный для какого-либо исторического периода. Эпистема определяет границы знания и даже понятие истины

для данного периода. Каждая эпистема неизбежно создает определенную систему знаний. Эту систему Фуко назвал дискурсом, подразумевая под этим понятием совокупность концепций, практик, утверждений и верований, созданных определенной эпистемой.

Фуко иллюстрирует «априори историческую» природу эпистемы во введении к «Порядку вещей». Здесь он приводит цитату из древнекитайской энциклопедии, описанную в рассказе аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса. Эта энциклопедия разделяет всех известных животных на некоторые группы согласно любопытной классификации: они делятся на «принадлежащих императору», «прирученных», «бальзамированных» и так далее. Эта классификация может показаться нам странной, но она также доказывает, что наша собственная система классификации может быть не более логичной. Она тоже условна: это система, созданная в соответствии с нашими конкретными культурными предпосылками (эпистема). Мы считаем, что принадлежность к определенному виду или биологическое родство важнее, чем то, кому принадлежат животные. (Возможно, мы ду-

мали бы иначе, если бы прикосновение к животному императора каралось кастрацией, как это было в Древнем Китае.) Рассказ Борхеса показывает, что любая система классификации всегда имеет свои границы. Где же границы нашей эпистемы? Мы должны спросить об этом себя.

Фуко продолжает исследовать этот вопрос, проводя «археологические раскопки» социальных наук. Он начинает с эпистемы Ренессанса. К сожалению, он охарактеризовал ее очень ограниченно и предвзято. По мнению Фуко, эпистема Возрождения основывалась на сходствах: «подобиях» и соответствиях. Он показывает это, описывая «теорию характерных черт», которая действительно была типична для мышления эпохи Ренессанса. Согласно этой теории, Бог указывает на родство предметов, наделяя их сходством (или характерными чертами). Так, например, орхидея обладает исключительным сходством с яичком. Это значит, что ее можно использовать для лечения венерических заболеваний. Подобным же образом желтый цветок чистотела применялся для лечения желтухи. Для мыслителя эпохи Возрождения мир был открытой книгой, которую

нужно было «прочитать». Во главу угла ставились метафорическое значение и его истолкование, а не наблюдение и научный эксперимент.

Так действительно происходило в медицине и зарождающейся химии (которая была тесно сплетена с алхимией). Но этого нельзя сказать об астрономии и биологии (которые стали быстро развиваться после изобретения телескопа и микроскопа), анатомии и физике. Фуко приводит цитаты из работ некоторых ученых эпохи Возрождения — родоначальника медицины Парацельса, математика Кардано, философа Кампанеллы. Но несмотря на то что Парацельс был превосходным врачом, он занимался алхимией, так же, как Кардано был астрологом, а Кампанелла — философ-утопистом. Величайшие и самые значительные для нас деятели Возрождения были проигнорированы. Ни слова не было сказано о Копернике, Галилее или Гарвее (чье открытие циркуляции крови положило конец средневековым мифам, таким, как теория характерных черт).

Теория эпистем Фуко была действительно важна, но в его случае она страдала излишней схематичностью. Для эпохи Ренессанса характерна

не одна, а несколько эпистем: Коперник открыл существование Солнечной системы, но прибегал к авторитету алхимика Гермеса Трисмегиста для подтверждения своего открытия. Переход от одной эпистемы к другой был более сложным, чем предполагал Фуко.

Но даже в этом случае основная идея работы Фуко неоспорима. Эпистема Возрождения сменилась классической (или эпистемой Просвещения). Мысль обратилась к идее различия, отказавшись от идеи сходства. Анализ открыл дорогу измерению и эксперименту. Разум устанавливал различия. Оказалось, что химические вещества состоят из отдельных элементов или их комбинаций, растения и животные разделили на виды, золото впервые стало основной мерой национального богатства.

Знание уже не было чем-то тайным, перестало быть привилегией избранных. Оно стало результатом научного наблюдения, открытым для всех. Но эта эпистема, основанная на знании и наблюдении, имела любопытный побочный эффект. Пытаясь научным путем прояснить картину, она уничтожила непосредственно субъект по-

знания (наблюдателя). Для человека в научном исследовании не осталось места.

С приходом XIX века это тоже изменилось. Человечество стали изучать как субъект истории. Такие разные мыслители, как Дарвин, Гегель и Маркс, теперь рассматривали человечество в его историческом развитии. Подобный тип мышления сохранялся вплоть до XX века. Влияние этой эпистемы оставалось центральным для экзистенциализма Сартра, который провозглашал «существование прежде сущности». Другими словами, человек создает свою сущность своим существованием, а не получает ее при рождении. В биологии человечество стало объектом антропологических исследований. В экономике богатство стало измеряться в показателях работы, а не количеством безжизненного золота. Человек разумный приобрел глубину и стал объектом изучения психологии. Но, как говорил Фуко, такое положение вещей не может долго продолжаться: «До конца XVIII века человек не существовал. Как с легкостью показывает археология мысли, человек — это изобретение недавнего времени. И, возможно, скоро ему придет конец».

Конечно, Фуко снова несколько упрощал картину. Его исследование, которое ограничивалось изучением документов, часто было неточным. Несмотря на блестящую идею Фуко, общая картина была достаточно обрывочной. Отдельные положения его теории были показательными, но часто несостоятельными в общем смысле. Просто неверно, что понятия «человека» (или человечества) не существовало как предмет исследования, наблюдения и философской мысли до конца XVIII века. Примеров можно привести множество: от вопросов, которые задает себе смертный, наполненный божественным трепетом, до тщетной попытки Платона дать логическое определение человека (знаменитое «двуногое животное без перьев», которое заставило одного из наиболее непочтительных учеников Платона повесить ошипанного петуха на стене Академии). Конечно, и книги Шекспира полны подобных размышлений, начиная от беспокойных раздумий Гамлета и заканчивая следующими строками:

«...но гордый человек, что облечен. Мгновенным, кратковременным величием И так в себе уверен, Что не помнит, Что хрупок, как стекло, — Он перед небом».

Фуко мог бы поспорить, что литература не являлась частью его археологии науки. Но психологическая проницательность всегда будет выходить за рамки литературы и становиться частью науки и философии.

Но утверждение Фуко, что «недавно изобретенное» понятие человечества скоро прекратит свое существование, имеет значительное влияние. По мере того как развивается наше знание о ДНК, растет опыт в геномной инженерии, понятие человечества может вскоре оказаться лишним. Абсолютный пересмотр системы ценностей — это пока вопрос будущего. Но прогрессивные изменения (особенно эксперименты с недостающими генами) уже начали разрушать наше представление о человеке и о том, что значит быть человеком.

В то же время, когда Фуко начал развивать свою идею эпистем, на другой стороне Атлантического океана американский ученый Томас Кун пришел к удивительно похожему понятию парадигмы. Эпистемы Фуко были открыты путем «археологических исследований» в широком культурном поле социальных наук. Парадигмы Куна относятся в более узком смысле непосредствен-

но к науке. «Смена парадигмы» означает большой, радикальный прорыв в научном знании. Подобные прорывы были совершены Коперником, Ньютоном и Эйнштейном. После их открытий наше видение мира уже не сможет оставаться таким, каким было раньше. Каждый из этих ученых создал новый тип мышления, который становился моделью для будущих исследований. Так, после открытия Эйнштейна время и пространство (равно как материя и энергия) уже не могут рассматриваться как абсолютные величины: они стали относительными.

Но оказалось, что подобная теория имеет неожиданный обратный эффект. Проблема и Фуко, и Куна состояла в том, что они отказались от понятия абсолютной истины. Если наш образ мыслей всегда ограничен некой эпистемой, (или парадигмой), значит, мы никогда не сможем прийти к «истине». Подобным образом, если все эпистемы условны, как мы можем доказать, что одна из них лучше другой? Никак. Таким образом, любая истина относительна; она зависит лишь от мировоззрения человека. Но подобная упрощенческая критика не нанесла большого вреда теориям Фуко

и Куна. Дело в том, что одна эпистема (или парадигма) может оказаться более полезной (или более плодотворной в теоретическом плане), чем другая. Она даст возможность ближе продвинуться к непостижимой картине мира, то есть к «абсолютной истине». *Что-то* в этом мире несомненно происходит, но человек может воспринимать лишь некоторые следствия этих событий. Вера в нашу возможность открыть абсолютную истину влечет за собой убежденность в том, что наши чувства — и различные приборы в качестве их продолжения — являются абсолютной мерой действительности. Но человеческий глаз различает спектр света только между ультрафиолетовым и инфракрасным. Как мы можем быть уверены в том, что созданные человеком приборы, которые лишь расширяют поле нашего восприятия, не имеют таких же ограничений? Можем ли мы утверждать: то, что мы визуально воспринимаем как «красный цвет», на самом деле полностью соответствует электромагнитному излучению с длиной волны 7×10^{15} см? Но $2 + 2 = 4$ наверняка абсолютная истина? Возможно, но, как сказал Эйнштейн: «Пока правила математики применимы к реальности, они

неточны, а если они точны, они неприменимы к реальности». Парадигмы Куна действуют именно в этом интервале. Точно так же и эпистемы Фуко — только они применимы к более широкой, но менее точной сфере культуры.

В 1964 году Дефера призвали на военную службу, но он предпочел армии добровольческую работу. Его направили преподавать в Тунис. Чтобы не расставаться надолго, Фуко в конце концов последовал за ним, заняв должность внештатного профессора в университете Туниса. Здесь он скоро привык к размеренному средиземноморскому образу жизни и поселился в перестроенной конюшне в поселении французских художников в Сиди-Бу-Саид. В Тунисе Фуко получил возможность насладиться лучшим в этих двух мирах: французской и североафриканской кухней, вином и марихуаной, интеллектуальными спорами в кафе и симпатичными молодыми арабами. В университете он читал лекции по философии Ницше и разрабатывал культурные аспекты своего исследования современной эпистемы.

Некоторые критики начали относиться к Фуко как к «новому Канту». Они сравнивали его

теорию эпистем с понятием «синтетического априори», разработанным Кантом в конце XVIII века. Проще говоря, Кант утверждал, что человек не может смотреть на мир иначе, чем через призму «пространства-времени». Теория Фуко о том, что мысль, связанная с эпистемой, неизбежно ограничена и структурирована, казалась развитием этой идеи. Но сравнение поздних культурных теорий Фуко с кафедральным величием философской системы Канта было просто нелепым. Даже Фуко, которому сначала льстили подобные сравнения, скоро начал уставать от этих преувеличений.

Но спокойная жизнь Фуко в качестве знаменитого философа в изгнании (который каждое утро получал «Ле Монд»), скоро было нарушена. В декабре 1966 года студенты Туниса проводили демонстрации против усиливающихся репрессий режима Хабиб Бургиба. Под влиянием Дефера Фуко активно поддержал студентов. Впервые в жизни он «с головой погрузился в политику», как сказал Дефер. Однажды Фуко пострадал в стычке в полицией, а затем укрывал спасавшихся бегством студентов в своей квартире.

Но будучи в Тунисе, Фуко пропустил величайшее политическое событие, случившееся во Франции со времен его детства: *события* 1968 года в Париже. В мае парижские студенты захватили весь левый берег Сены, фактически остановив жизнь столицы. Активисты студенческого движения и философы Латинского квартала произносили импровизированные речи перед толпами студентов, одобрительно приветствовавших их. На какое-то время даже де Голль потерял выдержку и тайно вылетел на французскую военную базу в Германии. Это было за несколько недель до того, как вооруженные дубинками и водяными пушками отряды полиции в конце концов пробились через уличные баррикады и восстановили контроль. Так случилось, что Дефер был тогда в Париже — и во время этих *событий* он сообщал своему партнеру по телефону всю информацию о случившемся.

За тысячу миль, на другом континенте Фуко был потрясен произошедшим. Но его отстраненность от событий в Париже дала ему возможность размышлять о том, что произошло. Он пришел к выводу, что появлялся новый вид политики, спо-

собный изменить общество. С этого времени Фуко стал активно интересоваться политикой и поверил в то, что философия должна быть инструментом политики. На дворе были шестидесятые: все ставилось под сомнение, все было возможным. Когда Фуко заинтересовался деятельностью молодых активистов, они, в свою очередь, заинтересовались последними философскими подходами, предложенными «новым Кантом». С тех пор аудитория Фуко значительно расширилась. Его работы были переведены на все основные языки, его книги расхватавали в книжных магазинах повсюду, от Беркли до Буэнос-Айреса.

Позднее, в 1968 году, Фуко вернулся в Париж. Ему уже исполнилось сорок, и его начала сильно волновать его стареющая внешность. Его раздражали выпадающие волосы, и Фуко решил побрить голову. Он также начал носить белый свитер с воротником-поло и вельветовый костюм, «чтобы не надо было гладить». Так появился образ философа в очках, лысого и «шикарно небрежного». У его идей появилось лицо — и родилась легенда о Фуко.

В Париже Фуко получил должность в сверхсовременном экспериментальном университете

Венсенн, который находился на восточной окраине города. Его официальным званием было «Председатель философского факультета» (профессора уже не в моде, в моде Председатель Мао).

Французская система образования давно нуждалась в реформе. Все было настолько регламентировано, что говорили, что в одиннадцать часов утра министр образования мог точно сказать, какую страницу какого учебника изучают в каждом классе по всей Франции. Университет Венсенн должен был положить дорогу в мир нового образования. Он управлялся не строгими декретами (подобными тем, с помощью которых руководил своим медицинским колледжем отец Фуко), а «совместной работой». Фуко вскоре удалось устроить Дефера на факультет социологии, как раз перед первыми студенческими волнениями. Университет превратился в поле боя между маоистами, коммунистами, марксистами, а позже — отколовшимися от этих течений группами, которые собирались в кампус со всего Парижа. (Ветка метро, ведущая с левого берега Сены, даже стала известна как «партийная ветка».)

Но полицейские, будучи невинными жертвами неправильной системы образования, не

имели другой альтернативы, кроме как действовать известными им способами. Они не щадили слезоточивого газа и дубинок, чтобы разогнать демонстрации. Теперь Фуко получил возможность взобраться на баррикады в своем стильном вельветовом костюме. Увы, знаменитая лысая голова и белый свитер-поло сделали его заметной целью, и ему посчастливилось отделаться лишь грубым обыском со стороны *шпиков*.

Но теперь у Фуко были почитатели в высших кругах. Некоторые видели в нем восходящую звезду французской интеллектуальной мысли, который заменит стареющего Сартра на международной арене. Его кандидатура была выдвинута на пост профессора знаменитого Коллеж де Франс, который был основан в XVI веке. В этом уникальном учебном заведении работали пятьдесят профессоров — специалистов во всех областях, от физики до музыки. Колледж не предоставлял ученых степеней, но взамен профессора получали возможность прочитать курс лекций, разработанный ими самими. Эти лекции были открыты для всех и собирали выдающихся специалистов в каждой области. Настойчивость влиятельных кругов обеспечи-

ла Фуко место преподавателя на недавно созданной кафедре. Как сказал один из важных профессоров факультета, колледж «прикладывал все усилия, чтобы не упустить гения». Благодаря его исключительной специализации, Фуко было разрешено самому назвать свою должность, и он стал «профессором истории систем мышления».

Лекции Фуко в Коллеж де Франс и его работы этого периода были возвращением к ницшеанскому основанию его философии. В «Генеалогии морали» Ницше проследил развитие современных этических концепций от их источников. Так, например, он показал, насколько христианство обязано своему раннему периоду, когда оно возникло как религия рабов в поздней Римской империи. (Акцент на смирении, сострадании, правиле «подставь вторую щеку»: именно так выживали слабые.)

Продолжая идею Ницше, Фуко создает свой «генеалогический метод». Он ищет «историю настоящего» в развитии широкого спектра различных областей «знания», от литературы до медицины. Теперь он обращает внимание не на эпистемы, а на «дискурс» любого знания. Дискурс —

это стремление к истине, но он обычно отрицал все, что было за рамками понимания. Почему? Потому что все, чего человек не мог понять, было буквально «бесполезным». Знание всегда имело цель, его характеризовало желание доминировать или присваивать. Оно не было неким нейтральным абстрактным объектом. К знанию стремились, чтобы использовать его; оно было могущественным и изменчивым. Это привело Фуко к концепции «знания-силы», показывая, как неразрывно эти два понятия связаны между собой. Таким образом, стремление к истине было лишь скрытой вариацией стремления к силе, первого человеческого стимула, который являлся центром философии Ницше. «Генеалогия» Фуко предпринимала попытку проанализировать отношения между силой и каждым конкретным «знанием».

Но идея Фуко расходилась с теорией Ницше в одном важном вопросе. Для Фуко сила не принадлежала индивидам, подобным знаменитому «сверхчеловеку» Ницше. Фуко признавал, что важнейший аспект силы лежит в области социальных отношений. Личности могут обладать силой в форме доминирования и принуждения, но,

что более важно, сила была также вовлечена в создание и использование знания. В сложной системе современного общества со множеством сдержек и противовесов эта теория представляется более адекватной.

Изменения и передача власти создают пространства, где могут возникать дискурсы. Эти знания и все теории вообще являются условными. Условным является также и разделение на истину и ложь внутри конкретной области знания. Оно развивается, растет, подвергается неожиданным переменам — у него есть своя генеалогия. И поскольку это разделение зависит от окружающих обстоятельств, условны и критерии истины в данном знании.

Понятие абсолютной истины вновь неизбежно подорвано. Но относительность этих истин все еще подчиняется ранее упомянутым условиям. Каждая конкретная истина является истиной для того конкретного момента, когда она была осознана. Эта истина может содержать в себе недостатки, пробелы и даже противоречия, но до тех пор, пока она применима к соответствующей области знания, она будет оставаться общеприня-

той. Другими словами, она работает, пока она соответствует требованиям *силы*.

История изобилует подобными примерами — от птолемеевской системы мира, которая продолжала оставаться общепринятой более тысячи лет, до еще более долгой истории алхимии. Такая концепция истины применима и к современным теориям «точных» наук. Несоответствие между квантовой физикой (которая в основном применяется для субатомных уровней) и классической механикой (которая продолжает повседневно использоваться даже в комплексном машиностроении) очевидна для всех ученых. Но «истины» обеих систем продолжают применяться, даже несмотря на то, что они признаны взаимоисключаемыми, потому что обе эти системы обладают *силой* создавать *знание*, которое может затем быть *действительно* использовано. Ни квантовая, ни классическая физика не предлагают абсолютной истины, и их сосуществование находится за рамками логики. Поэтому в этом смысле условными являются даже последние достижения науки.

Подобная относительность в конечном счете приемлема (другой альтернативы просто нет).

Но Фуко, вскрывая противоречия реальности, пошел еще дальше. Признавая, что «истина» является созданием своего дискурса, продуктом знания, к которому она применима, мы можем найти множество подобных примеров в других сферах знания. Возьмем, например, понятие «автора» литературного произведения. Это понятие не должно идентифицироваться с неким человеком, который сидит за столом и пишет книгу. Нет, говорит Фуко, автор произведения — это некий собирательный образ, включающий в себя множество факторов, таких как язык, понятие литературы в конкретное время и конкретном месте и совокупность других социальных и исторических элементов. Если их проанализировать, понятие «авторства» просто исчезнет: «В действительности автор не является причиной, источником или отправной точкой явления письменного или устного выражения мысли; не может он и преднамеренно, предугадывая слова, составлять из них оболочку для своей мысли». На самом деле автор может «меняться с каждым предложением».

Это положение не очевидно, но и не лишено смысла. Конечно, любой автор подвержен влия-

нию окружающих обстоятельств, культуры и языка. Конечно, юный творец погубит себя, прикрывая свою наготу изящным одеянием зрелости. Подобным же образом, как мы показали, автор может меняться от предложения к предложению. Но это не означает, что я исчез в клубах дыма. Идея Фуко о том, что автор является лишь заложником обстоятельств, относится в равной степени и к нему самому как к автору. Так что теория о несуществующем авторе была сформулирована несуществующим автором. То есть это не подтверждает ни существование, ни несуществование автора.

Здесь Фуко приходит к необоснованной крайности, которая, по иронии судьбы, как раз являлась продуктом его эпохи. В деконструктивизме Фуко эхом отдается философия бихевиоризма, находившаяся в 60-е—70-е годы на пике популярности. Согласно теории бихевиоризма не существует такой вещи, как «разум»; все, что мы имеем, — это видимые причины видимых результатов, другими словами, поведение. Сходство с идеями Фуко очевидно — хотя Фуко, конечно, не признавал себя бихевиористом. Является это ар-

гументом за или против несуществующего субъекта Фуко — решает читатель (которого может заинтересовать, что согласно теории Фуко он или она тоже не существуют, представляя собой лишь продукт культуры).

Многие из этих идей появились в книге Фуко «Археология знания», изданной в 1969 году. Книга была встречена широким признанием за рубежом и резкой многословной критикой в парижских интеллектуальных кругах (точный признак того, что автор уже вошел в пантеон французской культуры). Фуко и Дефер переехали в новую современную квартиру на Рю де Вожирар, одной из главных улиц Латинского квартала. Вид с восьмого этажа позволил Фуко увлечься новым хобби: рассматриванием молодых людей в квартирах на противоположной стороне улицы (при помощи бинокля с сильным увеличением). Обилие света дало возможность вернуться к старому увлечению — выращиванию марихуаны, к которой он привык в Тунисе. А по вечерам он принимал представителей высшего света, таких как Жюли Кристи и Жан Жене, поражая их своим кулинарным искусством. Но у этой жизни была и

темная сторона, о которой не знал никто, кроме ближайших друзей Фуко. Все чаще и чаще модный интеллеktуал в свитере-поло и вельветовом костюме превращался в причудливое ночное существо, которое курсировало по садо-мазо клубам. Те, кто встречали его в таком облике, говорили, что это выглядело зловеще.

В 1970 году Фуко пригласили прочитать курс лекций в Токио; в том же году он читал лекции в Калифорнийском университете в Беркли, и они были восторженно приняты. В Сан-Франциско он открыл для себя купальни — настоящий ад в клубах пара, где буквально сотни мужчин собирались для участия в разных эзотерических оргиях. То, что было запрещено во Франции, процветало в Америке. В отличие от остальных французских интеллеktуалов он быстро понял и оценил американский образ жизни.

Легко осуждать образ жизни Фуко. Как мог серьезный философ так себя вести? Что бы сказали Платон и Спиноза? Но немногие из нас на самом деле являются такими, какими они хотят казаться. Стыд (или лицемерие) — неизбежная, казалось бы, часть цивилизованного общества.

Чем больше мы узнаем о мыслителях, особенно о современных, тем более странным кажется их поведение. Читая между строк, мы можем предположить, что и Платон, человек «не от мира сего», и праведный Спиноза были гомосексуалистами. Кто скажет, что это означало? Такое знание должно вести к пониманию, а не скатываться к предрассудкам. Как сказал Ницше, «степень и вид человеческой сексуальности находят себя в высшем проявлении его духа». Не случайно, что Витгенштейн, произнесший знаменитые слова «Мы должны молчать о том, о чем не можем говорить», был скрытым гомосексуалистом.

Фуко все активнее участвовал в политической жизни. В 1970 году Дефер вступил в запрещенную революционную маоистскую группу Гош Пролетарьен (Левые пролетарии). Некоторые члены этой группы были арестованы. В результате Фуко создал Группу тюремной информации, пытаясь привлечь внимание общества к нечеловеческим условиям, характерным для французской системы уголовного преследования. (Ужасный остров Дьявола у побережья французской Гвианы, тропический ад, показанный в фильме

«Мотылек», перестал быть местом ссылки всего за десять лет до этого.) Деятельность Фуко преследовала и политические, и гуманитарные цели — и это неизбежно завоевывало популярность, столь необходимую для французских интеллектуалов. Но у него была и философская цель, которая во многом была продолжением его более ранних идей. Согласно этой теории, интеллектуал «открывает и определяет слабые места, бреши и сильные стороны в современной ситуации». У него нет представления о будущем, так как он «не знает точно, куда он направляется и о чем он будет думать завтра». Поставленная перед Фуко цель, политическая и философская, была «лишь желанием познать реальность».

Зимой 1972 года Фуко читал лекции в Государственном университете Нью-Йорка в Буффало. Холодный зимний северный штат резко отличался от солнечной Калифорнии. Возможно, он и вызывал гораздо меньше восхищения, но зато показал философу свою силу. То, что он видел, было «гигантским, полным техники, немного пугающим — именно так все европейцы воспринимают Нью-Йорк». Он договорился о посе-

щении государственной тюрьмы в Аттике, которая недавно стала местом кровавых бунтов. То, что он увидел, значительно отличалось от неприкрытой жестокости, убогости и неэффективности французской системы уголовных наказаний. Он как будто очутился в новой исторической эпистеме. «Больше всего меня поразило вход, похожий на поддельную крепость в Диснейленде, с наблюдательными постами, сделанными в форме средневековых башен. А за этим странным фасадом, который заставлял все вокруг казаться маленьким, вы видите, что это настоящая огромная машина для уничтожения... что-то вроде чудовищного желудка... который глотает, переваривает, а затем извергает... который поглощает то, что уже устранено из общества».

Садомазохизм, система уголовных наказаний, философия силы — все это, личное и социальное, в жизни и в идеях Фуко слилось в единое целое в его следующей работе. Это была книга «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы». Несмотря на название, эта книга не ограничивалась лишь тюрьмами, затрагивая также школы, фабрики и даже больницы. Фуко признавал, что

в этих местах сила способна не только подавлять, но и воздействовать на угнетателя. Все, кто работает в этих системах, связаны сложной сетью отношений силы. Желая постоянно идти в ногу с последними достижениями науки, Фуко окрестил предмет своего изучения «микрoфизикой силы».

Но это не было абстрактным изучением незначительных тонкостей. На первой странице Фуко приводит цитату из документа о казни в XVIII веке, которая заставит сердце даже самого скрытого садомазохиста биться чаще. Фанатику Роберу Дамьену не удалось убить Людовика XV в Версале, и 2 мая 1757 года его приговорили к «публичному покаянию перед центральными воротами Собора парижской богородицы». Это, казалось бы, безобидное наказание предполагало следующую необычную процедуру: «после раздиранья раскаленными щипцами сосцов, рук, бедер и икр его надлежало возвести на сооруженную там плаху, причем в правой руке он должен держать нож, коим намеревался совершить цареубийство; руку сию следует обжечь горячей серой, а в места, разодранные щипцами, плеснуть варево из жидкого свинца, кипящего масла, смолы, расплавлен-

ного воска и расплавленной же серы, затем разодрать и расчленить его тело четырьмя лошадыми, туловище и оторванные конечности предать огню, сжечь дотла, а пепел развеять по ветру...» и так далее. Фуко приводит описание этих событий на первых четырех страницах книги. Он упоминает «ужасные... постоянные крики» жертвы и подробно останавливается на том, как палач, которого звали Самсон, «хоть и был человек дюжий, с большим трудом вырывал куски мяса, которое ему приходилось захватывать щипцами дважды или трижды с одной и той же стороны и выворачивать». Так же долго Фуко описывает процесс четвертования, когда четыре запряженные лошади, к которым были привязаны его руки и ноги, не смогли разорвать тело осужденного; шести лошадей тоже оказалось недостаточно, и в конце концов палач четвертовал его ножом.

Философия еще никогда не была такой. Даже платоновское описание настойчивых попыток Алкивиада соблазнить Сократа бледнеет на этом фоне, хотя, пожалуй, предостережение Ницше «Идешь к женщине? Не забудь плетку!» уже показывало, в каком направлении движется фило-

софия. Но после того как Фуко произвел столь глубокое впечатление на читателя (в лучшем случае), мог ли он сказать еще что-то важное? Он объясняет, что рождение тюрьмы состоялось в начале XVIII века, когда пытки и публичные казни сменились заключением. Вместо того чтобы просто уничтожить тело преступника, общество получает над ним контроль. Подобные же изменения происходят в обществе, подчиняя тело человека силе. В армии введена муштра, фабрики эпохи Индустриальной революции нуждались в управляемой и дисциплинированной рабочей силе. В это время Наполеон закладывал основы современной Франции. Эти изменения привели к развитию всестороннего контроля над обществом: введению новой судебной системы, новых правил, появлению новых попыток систематизировать многие аспекты социальной жизни. Освященные веками деревенские обычаи сменились структурированным городским существованием.

Фуко рассматривает этот процесс в миниатюре, изучая появление тюрьмы. Система уголовного наказания появилась не потому, что реформаторы-филантропы внесли гуманные изменения в

уголовное право. Она скорее явилась естественным следствием социальных процессов — формирования управляемого и дисциплинированного общества. Сила, которая когда-то уничтожала тело, теперь подчиняет его своей власти. В тюрьмах, как и в школах, на фабриках, в армии, человек подчиняется дисциплине и находится под постоянным наблюдением. Фуко приводит классический пример «паноптикума» (буквально: «видеть все») Джереми Бентама в отношении тюрьмы. Паноптикум представляет собой куполообразное сооружение с наблюдательной площадкой в центре наверху. Это позволяет тому, кто на ней находится, наблюдать за всеми камерами внизу, по окружности купола, и каждый из заключенных знает, что в любой момент его могут видеть. Это является архетипическим образом нового общества. Параллель с предыдущими теориями Фуко очевидна. Заключение подразумевает контроль и знание. Сила и знание едины.

Но в этом обществе сила сама неизбежно подвергается трансформации. Согласно теории Фуко, она больше не может быть независимой. Она не абсолютна и не принадлежит одному че-

ловеку, как, скажем, во времена Людовика XV. Сила становится «технологией»: это форма контроля общества за своими членами. Современный индивид формируется среди огромного количества правил и предписаний. Во многом он создает себя сам, реагируя на эти ограничения. Это ясно видно в архетипе денди. Вместо того чтобы уничтожить свою индивидуальность, он чувствует необходимость самовыражения — в открытой и экстравагантной форме, которая преодолевает постоянно растущее число правил.

Затем Фуко показывает, как рождение тюрьмы сопровождалось появлением многочисленных социальных наук, таких как криминология, социология и психология. Заключенных можно было изучать и характеризовать. Точно так же, после того как безумие было взято под стражу, появилось понятие «нормальности». Власть общества над своими «заключенными» все больше усиливалась, благодаря развитию новых научных дисциплин. Экономика, история и география в этот период приобрели научное измерение. Знание/сила вели к большему пониманию и большему контролю.

Исторические аргументы Фуко страдают предвзятостью и антинаучностью. Его набросок исторического развития верен для Франции и ее перехода от абсолютной монархии Бурбонов к посленаполеоновской эпохе. Но история развивалась совершенно по-другому в Соединенных Штатах, Великобритании и Германии. Но в чем-то Фуко был прав: за этими различиями скрывается некоторое сходство. И снова догадка Фуко выходит далеко за свои пределы — складываясь в то, что подозрительно напоминает очередную теорию. Исторические примеры тоже часто кажутся необоснованными. Так, например, паноптикум Бентама воплощает скорее средневековую идею всевидящего Бога, а не силовую систему общества XIX века.

Как обычно, идеи Фуко берут свое начало в теориях более ранних философов. Но кроме привычных Канта, Ницше и Хайдеггера, Фуко многое взял из идей Эмиля Дюркгейма, французского философа XIX века, основателя современной социологии. Дюркгейм оспаривал популярную британскую и американскую теорию, которая гласила, что индивид и его частные интересы фор-

мируют основу общества, и что само общество является лишь искусственным понятием. (Подобное отношение сохраняется в замечании Маргарет Тэтчер: «Такой вещи, как общество, не существует».) Дюркгейм подчеркивал приоритет общества над человеком. Он делал особый акцент на том, что социальная интеграция строится на основе общих моральных ценностей, и пытался найти источники разрушения общества. Идеи Фуко в отношении «техники силы» во многом продолжают идеи Дюркгейма.

Фуко, подобно Дюркгейму, принижает личность, которая, как «автор», является лишь функцией. Таким образом, в его социально-историческом анализе есть «мертвая зона» — влияние значительных исторических личностей. Любопытное упущение для того, кто вырос в тени Гитлера и Сталина и потратил несколько лет, пытаясь определить свое отношение к де Голлю. Применимость идей Фуко к историческому развитию Америки еще более спорна. Изменения в жизни американского общества, вызванные развитием технологии, средств массовой информации и предпринимательства в большинстве своем оста-

ются необъяснимыми. В этом отношении американский опыт является частью западного опыта (и даже для Франции). Его просто нельзя игнорировать. Если теория Фуко не объясняет этого, она не подходит для общества XX века.

В 1975 году Фуко вернулся в Калифорнийский университет в Беркли. Южнее, в Сан-Диего, марксист Герберт Маркузе уже критиковал «одномерного человека» Запада. Все подвергалось сомнению, и Калифорния была полна идей — от сенсационных до откровенно глупых. (Пока Тимоти Лири призывал: «Въезжай, настраивайся, отъезжай!», в Калифорнийском технологическом институте Ричард Фейнман, Мюррей Гелл-Манн и им подобные решали загадки квантовой электродинамики.) Фуко было суждено иметь огромный успех. В своих лекциях он теоретизировал по поводу различных сексуальных извращений. А в перерывах между лекциями он начал активные исследования купален и садо-мазо клубов Сан-Франциско. Однажды в состоянии наркотического опьянения он поехал в пустыню, а когда он пытался перейти автостраду, накачавшись морфием, его чуть не сбила машина. Он пытался теоре-

тически оправдать свой образ жизни. Желание подавлено «идеей естественных ограничений» и «физическими пределами»: человек должен прорваться «через желание» к наслаждению. Таким образом, наслаждение, как и желание, не может быть ненормальным. Подобным же образом садомазохизм разрушает власть (боль), делая ее эротичной (и превращая в наслаждение).

Тонкий лед этой теории мог бы проломиться в Париже, но Фуко был в Калифорнии, которая от ликующих 60-х переходила к теориям 70-х. Черные Пантеры сменили детей цветов. Фуко решил написать историю сексуальности в трех томах. Она соединяла разум, безумие и неожиданно скучную историю секса. Утверждается, что первый том является (без иронии) «Введением» в сексуальность. Здесь Фуко приводит интересное суждение: после Ренессанса сексуальность была «воспринята» репрессивными силами общества. Медицина и психология начали оказывать свое влияние на тело, и сексуальность оказалась под контролем общества. Такие бессистемные обобщения, даже подкрепленные нагромождением современных документов, отражали упадок фи-

лософии Фуко. Факты, которые он приводил, были также неточными. Так, например, в XVIII веке британцы спокойно воспринимали сексуальность, и это, возможно, был единственный подобный период между эпохой Елизаветы и эрой хиппи. (Это тоже неоправданное обобщение, но я не собираюсь строить на нем теорию лишь для того, чтобы потопить другую.)

Во втором томе «истории сексуальности» Фуко обращается к Древней Греции, к эпохе, полной откровенного эротизма. К несчастью, он использует изучение образа жизни в Греции, чтобы объяснить, как сексуальность оказалась включена в систему моральных норм. Но происходило ли это в Греции на самом деле? Сексуальность — это настолько важное понятие в эволюции человечества, что сексуальные запреты можно найти даже в примитивных обществах. Даже у животных сексуальное поведение неотделимо от чего-то очень похожего на зачаточную мораль. Чтобы избавиться от сексуальной морали, даже на время, нужно выйти за границы общества. В этом смысле купальни и клубы предлагают убежище тем, кто скрывается от раздражающих ограниче-

ний цивилизации. Но единственное место внутри общества, где сексуальность абсолютно свободна от моральных ограничений, — это полный фантазий разум подростка. (И в этом смысле мы все подростки.)

В третьем томе «истории» действие переносится в Древний Рим. Здесь, в «сексуальном дискурсе», Фуко делает несколько интересных замечаний по поводу «культуры себя». Он рисует развитие субъективности: ее превращение в «отношение, модель поведения» и «образ жизни». Ее особенности стали «объектом размышления, они развивались и передавались следующим поколениям». Так субъективность стала «социальной практикой, которая дала начало отношениям между индивидами». И уже эти взаимоотношения иногда приводили к появлению социальных институтов.

В мае 1984 года Фуко в конце концов отправил третий том «истории сексуальности» своему издателю. Две недели спустя, 2 июня, он упал в обморок и был госпитализирован. Еще два года назад он обнаружил, что страдает от частых, ослабляющих его болезней. Только теперь выясни-

лась их причина. У Фуко был СПИД. Конец был близок. 25 июня Фуко скончался. На его похороны пришли тысячи скорбящих. Среди них были известные во французских культурных кругах люди, многие из которых были глубоко потрясены смертью Фуко. Несмотря на острые теоретические противоречия, Фуко благожелательно относился ко всем, и многие считали его своим близким другом.

Отзывы о Фуко

«Более последовательно, чем любой другой современный философ, Мишель Фуко развивает отказ Ницше от платоновского понятия истины. Вместо этого он предлагает то, что может быть названо, словами Делеза, «контрфилософией». Она пытается отыскать источник истины в сражении и борьбе, в деспотизме и случайности, в стремлении в истине, которое неразрывно связано с силой и страстью».

Кеннет Бейнс, Философия

Основные идеи Фуко

В эпоху классицизма (Эру Разума) разделяются понятия сумасшествия и разумности и появляется идея безумия. Именно тогда возникают дома для умалишенных.

Эпистема — это структура мышления, выражающая образ мыслей, который присущ определенной эпохе. Это совокупность скрытых посылок и мысленных процессов, «тип мышления», который ограничивает развитие научной, философской и культурной мысли эпохи.

Археология — это способ раскрыть структуру мышления, которая определяла рамки концеп-

ций определенной эпохи. Фуко считал, что это можно сделать, изучая подлинники документов этого периода.

Генеалогия — это термин, который использовал Ницше для описания своего исследования морали. Это позволило ему проследить ее эволюцию: что изначально представляли собой мораль и ее скрытые, мотивы и как это отражено в современном отношении к морали. Генеалогия проследживает историю стремления к власти.

Фуко называл генеалогией свой исторический анализ различных «знаний» — таких, как литература, медицина и этика. Этот анализ показывает, как изменялось понятие «истины» с их развитием. Эти изменения не подчинены законам логики, они зависят от определенной эпистемы, присущей конкретной эпохе. Все наши представления об истине на самом деле условны.

«Автор» — это лишь «функциональный принцип», который ограничивает воображение, ставя его в рамки «образа мысли» определенной эпохи.

Фуко утверждал, что «побудительным мотивом» его творчества было простое «любопытство». Но это было любопытство высшего порядка: «Знание того, может ли один человек думать и чувствовать иначе, чем другой, абсолютно необходимо для того, кто хочет чувствовать и думать вообще».

Лучшее в работах Фуко:

«История, которая вовлекает нас в свое течение и определяет нас, имеет скорее форму войны, чем языка: она есть арена отношений власти, а не отношений «значения». История не имеет «значения», хотя это вовсе не значит, что она абсурдна или бессвязна».

Генеалогия пытается проследить источники языка, на котором мы говорим, и правил, которым мы подчиняемся. Это делается для того, «чтобы раскрыть гетерогенные системы, которые, под маской нашего эго, отказывают нам в реальности». Ее целью является «не заново открыть источники формирования человеческой личности, а поставить под вопрос и развеять эти иллюзии». Ге-

неалогия «стремится обнаружить все нарушения последовательности в человеческой истории».

Исамыестранные моменты:

Фуко: «Наслаждаться жизнью не так просто, как кажется... Я надеюсь, что умру от передозировки — от наслаждения. Я думаю, это действительно сложно, и у меня всегда было чувство, что я не ощущаю это наслаждение, полное, абсолютное наслаждение, и для меня оно связано со смертью».

Интервьюер: «Почему Вы так думаете?»

Фуко: «Я думаю, что то наслаждение, которое я называю настоящим, было бы настолько глубоким, настолько сильным и непреодолимым, что я не пережил бы этого. Я бы умер».

Далее он рассказывает о том, что одним из счастливейших моментов в его жизни был тот, когда его сбила машина (Фуко находился в состоянии наркотического опьянения). «Мне казалось, что я умираю, и это действительно было очень, очень сильным наслаждением... Это было и остается одним из моих лучших воспоминаний».

Важные даты в философии

VI в. до н.э. Начало развития западной философии — Фалес из Милета.

Конец VI в. до н.э. Смерть Пифагора.

399 г. до н.э. Сократ приговорен к смерти в Афинах.

387 г. до н.э. Платон основывает Академию в Афинах, первый университет.

399 г. до н.э. Аристотель основывает Лицей в Афинах, в противовес Академии.

324 г. н.э. Император Константин переносит столицу Римской империи в Византию.

400 г. н.э. Блаженный Августин пишет свою «Исповедь». Философия сливается с христианской теологией.

529 г. н.э. Император Юстиниан закрывает Академию в Афинах, ставя, таким образом, точку на эллинистической мысли.

Середина XIII в. Фома Аквинский пишет комментарий к трудам Аристотеля. Эра схоластики.

1453 г. Завоевание Византии турками, конец Византийской империи.

1492 г. Колумб открывает Америку. Ренессанс во Флоренции и возрождение интереса кучению греков.

1543 г. Коперник публикует свой труд «О вращении небесных сфер», в котором он математически доказывает, что Земля вращается вокруг Солнца.

1633 г. По настоянию Церкви Галилей отрывается от гелиоцентрической теории Вселенной.

1641 г. Декарт публикует свои «Размышления», послужившие началом развитию современной философии.

1677 г. Со смертью Спинозы становится возможной публикация его «Этики».

1687 г. Опубликование «Математических принципов натуральной философии» Ньютона с законом всемирного тяготения.

1689 г. Локк выпускает «Опыт о человеческом разумении». Начало эмпиризма.

1710 г. Выходит книга Беркли «Трактат о причинах человеческого знания», в которой развиваются идеи эмпиризма.

1716 г. Смерть Лейбница.

1739 г. Юм публикует свой «Трактат о человеческой природе», в котором продолжает развивать идеи эмпиризма.

1781 г. Кант, разбуженный Юмом от своего «догматического сна», выпускает «Критику чистого разума». Наступает великая эра немецкой метафизики.

1807 г. Выходит в свет «Феноменология духа» Гегеля, высшее проявление немецкой метафизики.

1818 г. Шопенгауэр публикует свой «Мир как воля и представление», в котором вводит в немецкую метафизику элементы индийской философии.

1889 г. Ницше, объявив, что «Бог умер», умирает сам в Турине, сойдя с ума.

1921 г. Витгенштейн выпускает в свет свой «Логико-философский трактат», в котором утверждает, что нашел «окончательное решение» философских вопросов.

1920-е гг. Венский кружок создает логический позитивизм.

1927 г. Хайдеггер публикует «Бытие и время», где сообщает о расколе между аналитической и европейской философией.

1943 г. Выходит труд Сартра «Бытие и ничто», в котором развиваются идеи Хайдеггера и даются начальные положения экзистенциализма.

1953 г. Посмертная публикация «Философских исследований» Витгенштейна. Пик лингвистической философии.

Хронология жизни Фуко

1926 г. Поль-Мишель Фуко родился в Пуатье.

1945 г. Фуко второй раз готовится к поступлению в Высшую нормальную школу в Париже.

1946—1952 гг. Учится в Высшей нормальной школе.

1955-1958 гг. Преподает в университете Упсала в Швеции.

1960 г. Знакомится с Даниелем Дефером, который становится его спутником до конца жизни.

1961 г. Издает работу «Безумие и цивилизация».

1963 г. Публикует «Порядок вещей: Археология человеческого знания».

1966—1968 г. Внештатный профессор Тунисского университета.

1969 г. Получает должность в Коллежде Франс.

1970 г. Читает первые лекции в Соединенных Штатах.

1972 г. Преподает в Нью-Йоркском государственном университете в Буффало. Посещает Нью-Йоркскую тюрьму в Аттике.

1975 г. Публикует работу «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы». Читает лекции в Калифорнийском университете в Беркли.

1976 г. Издает первый том «Истории сексуальности».

1984 г. Издает второй том «Истории сексуальности».

1984 г. Умирает от СПИДа в Париже.

1986 г. Посмертная публикация третьего тома «Истории сексуальности».

Именной указатель

Альтюссер, Луи 18,19, 20

Арендт, Хана 14

Баррак, Жан 22, 23

Барт, Ролан 33, 34

Борхес, Хорхе Луис 40, 41

Витгенштейн, Людвиг 5, 6,63

Высшая нормальная школа 11,19

Гегель, Георг 13, 15,44

Гитлер, Адольф 10, 72

Дефер, Даниель 34, 35, 49, 50, 51, 53, 61, 63

Деррида, Жак 33, 34

Декарт, Рене 28, 29

Дюркгейм, Эмиль 71, 72

Жене, Жан 61

Кангилхем, Джордж 17, 18

Кант, Иммануил 50, 71

Кун, Томас Самуэль 46,47,48,49

Маркс, Карл 18, 19,44

Маркузе, Герберт 73

Ницше, Фридрих 20,21,22,23,24, 31,32,49,
55,56,63,67,71,78,80

«Генеалогия морали» 55

Парадигма 46,47

Платон 45

Попытка самоубийства 12

Работы:

«Археология Знания»

«Рождение клиники: Археология медицинского
восприятия»

«Надзирать и наказывать: Рождение тюрь-
мы»

«Безумие и общество»

«Порядок вещей: Археология человеческого
знания»

Сартр, Жан-Поль 9, 15, 16, 33,46, 54

События 1968 года 51

Университет Туниса 49

Университет Упсала 24

Университет Венсенн 52, 53

Хайдеггер, Мартин 6, 14, 15, 20,71

Эйнштейн, Альберт 17,47,48

Эпистема 39-50, 55,65, 79, 80

Об авторе

Пол Стретерн читал лекции по философии и математике, теперь живет и работает в Лондоне. Обладатель премии имени Сомерсета Моэма, автор книг по истории и географии, а также пяти романов. Его статьи публиковались в огромном количестве изданий, включая «Обсервер» (Лондон) и «Айриш Таймс». Степень по философии он получил в Тринити Колледж, в Дублине.

www.infanata.org

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями! Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.infanata.org

Научно-популярное издание

Философы за 90 минут

Пол Стретерн

ФУКО ЗА 90 МИНУТ

Ответственный редактор *Г.В. Щёлокова*

Технический редактор *Э.С. Соболевская*

Корректор *И.Н. Мокина*

Компьютерная верстка *А.Л. Павловой*

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл,

ул. Кочетова, д. 93

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, проезд Ольминского, 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.